

УТРОМ у нее была репетиция, днем — запись на радио, вечером — спектакль. А еще надо было прочитать новый сценарий, встретиться с журналистом для интервью, проверить у дочери уроки. А еще, а еще, а еще... Вереница неотложных дел и забот захлестывает ее с утра, чтобы отступить только после полуночи и вновь вернуться ранним утром. И так — день за днем. И так — уже двадцать лет.

— Бывает, что не хочется работать!

— Еще как бывает. Когда случается перерыв в три-четыре дня, то приходит такой творческий «аппетит», что со сцены калачом не выманишь. Ну, а если работать изо дня в день на износ, то любимое дело может попросту стать службой. И, возможно, стало бы, но спасает великое чудо, которое именуется «Зритель». Можно быть в самом несносном расположении духа, но едва стоит выйти на сцену и почувствовать дыхание зала, как любые огорчения моментально забываются. На каждом спектакле между сценой и залом устанавливается поле высокого эмоционального напряжения, и выйти из-под влияния этого поля ты уже не в состоянии. Вот и получается обоюдная связь: зрители «заряжаются» от сцены, а ты каждый раз воспринимаешь реакцию зрителей как откровение. Это и есть высшее благо, которое может подарить актеру театр.

— За два десятка лет работы на сцене вы сыграли арбузовскую Таню и шекспировскую Джульетту, брехтовскую Селию Пичем и Элизу Дулитл в «Пигмалионе», Дульсинею Тобосскую и судью Ковалеву из провинции... Как бы вы определили свою актерскую тему?

— Боюсь, что мне это сделать не под силу. Театральный актер не имеет возможности смотреть на себя со стороны и бесстрастно вычислять логику своих художественных интересов. Но дело в общем-то даже не в этом. Я думаю, что не каждый актер имеет право на свою тему в искусстве, и было бы чрезвычайной самонадеянностью утверждать за собой это право.

Если же поставить вопрос несколько иначе и говорить о ролях, которые мне как актрисе интересны, то думается, что в самом перечне работ уже отчасти содержится ответ. Меня привлекают героини, в характере которых таится возможность внутренней метаморфозы, внутреннего развития. Мне интересно следить за процессом изменения вкусов, привычек, взглядов своей героини и совсем неинтересно констатировать некую данность. Мне везло с ролями в театре, а недавно повезло и в кино. В «Служебном романе» мне выпала как раз такая роль — «перевертыш»: превращение занудной «мымры» в милую, обаятельную женщину потребовало тончайшей нюансировки чувств, филигранной отделки мельчайших деталей.

— Как вы намерены впредь

делить свои симпатии между театром и десятой музой!

— Наверное, так же как и раньше. Театр для меня — превыше всего, но если будет выпадать свободное время, с удовольствием буду отдавать его кинематографу. Буквально на днях начинается съемка «Старомодной комедии», где я буду исполнять главную роль. Сценарий очень интересный, и я с волнением жду встречи с новой героиней.

— В актерских кругах существует мнение, что в театре актер по крупницам накапливает мастерство, в то время

в небольших ролях, то оно в каждом конкретном случае казалось мне необходимым. В одном случае был неважный режиссер, но привлекал сценарий, в другом случае подкачал сценарий, но зато режиссер был талантлив, как бог. А когда плохими были и сценарий и режиссер, то партнеры подбিরались один другого лучше.

А вообще-то каждому театральному актеру следует время от времени поверять театральную условность кинематографической безусловностью. Игра актера перед объективом — это всегда маленький экзамен на чувство правды. Я не хочу сказать, что кино выше театра, просто на сцене и на съемочной площадке актер живет в разных эмоциональных амплитудах.

— Видимо, этим и объясняет-

ся для механического пианино». Съемочная группа фильма на несколько месяцев поселилась в старинной усадьбе, актеры вживались в быт, присматривались друг к другу, а съемки велись в строгой последовательности событий. Я потому так подробно говорю об этом фильме, что Никита Михалков предлагал мне в нем роль генеральши, и я до сих пор жалею, что не смогла откликнуться на это предложение. С таким коллективом единомышленников всегда интересно работать. Но в целом кинематографу заботливое отношение к актерам не свойственно...

— Но ведь и у театра есть, наверное, свои минусы. Я беседовал с одним актером, который сетовал на то, что в театре актеры за долгие годы совместной работы настолько

валят друг друга на импровизацию. Другое дело, что всякий спектакль рано или поздно морально «изнашивается», но это процесс объективный. Как и человек, спектакль имеет свою молодость, зрелость и старость. Иногда он «дряхлет» к 50-му представлению, иногда к 100, а бывает примеры удивительного долгожительства. Если спектакль крепко «заварен», если режиссер не отдал его на откуп актерам, то тлен коснется его не скоро, и роль у актера будет только набирать высоту от представления к представлению.

— Напрашивается неизбежный вопрос: с чего у вас начинается работа над ролью?

— В каждом конкретном случае процесс постижения роли протекает по-своему, но отправная точка для поиска все-таки одна. Если при первом знакомстве с ролью во мне что-то дрогнуло, значит роль во мне живет и надо только ее в себе отыскать и взрастить. А если роль с самого начала не отозвалась, то добиться успеха бывает неизмеримо трудно. Помню, в каких муках рождалась моя Катя в «Укрощении строптивой». Роль сочная, экстравагантная, соблазнительная, но как и что играть — ну, непонятно, хоть убей. У спектакля была трудная судьба, его отодвигали несколько раз, но роль по-прежнему не шла. И однажды, совершенно непонятно как, я почувствовала, что ключевую сцену надо вернуть наизнанку, сыграть нечто противоположное тексту. Я прокрутила эту сцену обратным ходом, потом еще одну и почувствовала тот «резонанс», который испытываю, если роль становится моей. Так от одной точки соприкосновения и начинается долгий путь познания героини, времени, себя...

— Обычно у каждого актера есть заветная роль, которая греется даже тогда, когда актер не испытывает недостатков в самых заманчивых предложениях...

— И обычно эти роли так и остаются в области неосуществленных желаний. Уходят годы, одни мечты уходят вместе с ними, другие появляются. Лет десять назад я очень хотела сыграть Пеппи, но так и не удалось. На сегодняшний день я «больна» булгаковской Маргаритой, но, видимо, сыграть ее тоже не судьба. Впрочем, говорить по этому поводу, наверное, не стоит, потому что «каждая роль — если относиться к делу честно — делает тебя счастливой...»

— скоро начнется спектакль. 10 минут на грим, несколько минут на то, чтобы перекинуться с коллегами шуткой, и вот уже по динамику объявляют о начале спектакля. Последний взгляд в зеркало — и она уже готова шагнуть на сцену. И так — день за днем. И так — двадцать лет. И так — целую жизнь...

Л. ПАВЛЮЧИК,
наш спец. корр.
Ленинград — Минск.

ДОРОГА, КОТОРАЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

В гостинице
«Воскресника»

народная
артистка
РСФСР,

лауреат Государственной премии РСФСР

Алиса Фрейндлих

как в кино он его лишь легкомысленно растрчивает. Ваша творческая судьба до фильма «Служебный роман» могла быть использована сторонниками этого тезиса в качестве весомого аргумента. Что заставляло вас сниматься в ролях, которые заметно уступали вашим театральным работам?

— Ну, во-первых, из-за занятости в театре я просто не могла позволить себе роскошь сниматься в большой роли, и от многих действительно интересных предложений приходилось отказываться. Собственно, и в «Служебном романе» мне удалось сняться благодаря мучкам долготерпения и чудесам изобретательности Эльдара Рязанова. Он приехал в Ленинград с тщательно вычерченным графиком, который по часам учитывал мое свободное время, в том числе и отпускное. Этот график произвел магическое действие на дирекцию театра, и мне разрешили приступить к съемкам.

А что касается моего учас-

тия, что театральные актеры довольно тяжело переносят «акклиматизацию» на съемочной площадке!

— Не только этим. Сам процесс работы в кино оказывается театральному актеру непривычным, нередки случаи, когда только в последний съемочный день узнаешь, кого же тебе надо было играть. Но, впрочем, у всякого правила бывают исключения. Когда я снималась в «Служебном романе», то чувствовала себя так же свободно и раскованно, как и на сцене. Рязанов максимально приблизил съемочный процесс к театральным условиям. Мы долго репетировали сцену, потом записывали ее на видеоленту, после просмотра вносили необходимые поправки, и затем несколькими камерами снимали большие куски «набело». Такой метод работы значительно сокращает время съемок и — что самое главное — позволяет постоянно держать роль в «фокусе». Примерно так же снимался фильм «Неоконченная

«притираются» друг к другу, что теряют вкус к импровизации, к поиску неожиданного решения роли...

— Ну что ж, считайте, что этому актеру не повезло. Театр — организм сложный, и в нем бывает всякое. В театральном коллективе — как бы сказать поточнее — важно совпадение группы крови, и если его нет, то актер — даже очень талантливый — не всегда может найти себе место. А если актер с первых дней верно почувствовал и быстро усвоил язык театра, то унылое повторение штампов ему не грозит. Наоборот, чем дольше работают коллеги вместе на сцене, тем восприимчивей они будут к совместным поискам, тем чаще они смогут провоциро-

ИНТЕРВЬЮ окончено

7 4 МАЯ 1978
«ЗНАМИ ЮНОСТИ»
Т. Михалков